

история/география/этнография

Михаил Артамонов

Киммерийцы и скифы

Ломоносовъ
издательство

История. География. Этнография

Михаил Артамонов
Киммерийцы и скифы

Издательство «Ломоносовъ»

2015

УДК 94(395.1)
ББК 63.3(2)2

Артамонов М. И.

Киммерийцы и скифы / М. И. Артамонов — Издательство «Ломоносовъ», 2015 — (История. География. Этнография)

Киммерийцам и скифам, кочевым властителям причерноморских степей на протяжении большей части первого тысячелетия до н. э., и посвящена книга выдающегося ученого Михаила Артамонова. Вторжение через Босфор библейского народа «гомер» — киммерийцев, по пути сокрушивших Фригийское царство, всколыхнуло Малую Азию. Следом за ними, «отстав» на несколько десятков лет, явились туда же, обойдя Черное море с востока, скифы и вступили в соперничество с могущественной Ассирией. Но оказавшись среди вершителей судеб человечества, оба народа не выдержали свалившихся на них испытаний. По крупицам, основываясь на данных археологии, отрывочных сообщениях ассирийских и греческих источников, исследованиях лингвистов, М. Артамонов реконструирует историю киммерийцев и скифов, их происхождение и взаимоотношения, их постепенное исчезновение, растворение среди других племен и народов. Михаил Артамонов (1898—1972) — историк и археолог, директор Государственного Эрмитажа в 1951 – 1964 годах.

УДК 94(395.1)
ББК 63.3(2)2

© Артамонов М. И., 2015

© Издательство
«Ломоносовъ», 2015

Содержание

Происхождение скифов	6
Киммерийцы и скифы в Азии	18
Скифская культура	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Артамонов

Киммерийцы и скифы

Происхождение скифов

Древнейшим известным по имени народом на территории СССР был киммерийский. Сведения о нем сохранились не только в «Истории» Геродота, написанной в третьей четверти V века до н. э., но и в современных с этим народом ассирийских клинописях. В отличие от Геродота, сообщаящего дошедшие до него предания, в клинописях говорится о весьма важных для Ассирии событиях, в которых этот народ принимал непосредственное участие. Согласно сведениям, содержащимся в ассирийских источниках, киммерийцы появились в 20-х годах VIII века до н. э. на северо-западной границе с Ванским царством (Урарту), а в дальнейшем занимали северо-восточную часть Малой Азии – Каппадокию. До своего вторжения в Азию они, по Геродоту, жили в Северном Причерноморье, откуда были изгнаны другим древним народом этой страны – скифами. Этим последним Геродот посвящает четвертую книгу своего сочинения, описывая их страну, нравы и обычаи, а также другие народы, окружавшие населенную скифами землю. Сведения о скифах содержатся в трудах других античных авторов, не только пересказывавших Геродота, но сообщавших дополнительные данные, относящиеся к последующему, послегеродотовскому времени. Наибольшее значение среди них принадлежит «Географии» Страбона, написанной в I веке до н. э.

Со второй половины XIX века источником сведений о древних народах нашей страны выступают археологические памятники. По мере их накопления и изучения открываются все новые и новые данные, касающиеся скифов и их окружения. Хотя многое в истории скифов остается еще не выясненным, основные линии развития этого народа прослеживаются со значительной долей достоверности. Археологические данные не только конкретизируют и уточняют сведения древних авторов, но и дают ответы на ряд вопросов, вовсе не освещенных в древней письменности.

Важную роль в разработке истории скифов играет лингвистика. Именно этой наукой установлено, что они принадлежали к иранской языковой семье. Далее оказалось, что ираноязычными были не только скифы, но и их восточные соседи савроматы и следующие за ними на востоке среднеазиатские саки, с чем связана отмеченная археологией близость их культур. Вместе с тем обнаружилось, что однородные археологические памятники распростра-

нены не только на территории известных по сообщениям древних авторов ираноязычных народов, но простираются далеко на восток на области, совсем неизвестные средиземноморскому античному миру. Сходные с северочерноморскими и среднеазиатскими археологические памятники открыты в Центральном и Восточном Казахстане, на Алтае, в Саянах, в Минусинской котловине и даже в Центральной Азии вплоть до Северного Китая, в Ордосе. О том, что это сходство не случайное или конвергентное, а того же порядка, что между Северным Причерноморьем, Поволжьем и Средней Азией, то есть обусловленное этническим родством населения этих областей, свидетельствуют сообщения, содержащиеся в древнекитайских исторических сочинениях. Китайцам был известен центральноазиатский народ юэцжи, являвшийся частью народа сэ, то есть саков. Таким образом, оказывается, что саки жили не только в Средней Азии, а и дальше на восток за Тянь-Шанем в степях, в пустынях Северо-Западного Китая – в Джунгарии и Западной Монголии, а временами доходили до Северного Китая – Ордоса. Из этого вытекает, что и в других областях распространения культуры, получившей в археологии название скифской или скифо-сибирской, о населении которых нет письменных данных, обитали родственные сакам и скифам ираноязычные народы. Это подтверждается топонимикой – наукой, изучающей географические названия. В Южной Сибири такого рода названия встречаются вплоть до Енисея.

Столь широкое распространение ираноязычного населения от Дуная, составлявшего, по Геродоту, западную границу заселенной скифами страны – Скифии, до Енисея на востоке, по всей полосе степного, лесостепного, а также горного ландшафтов Евразии относится еще к эпохе бронзы, когда по всей этой территории выступают сходные андроновско-срубные археологические культуры, со времени которых и начинается продолжительный иранский период истории, охвативший в дальнейшем, кроме Южной Евразии, значительные части Передней Азии, Пакистана и Индии. Историческое значение этого периода огромно; в течение его сформировался ряд современных народов с восходящими к нему традициями, определяющими их национальные особенности. Культурные элементы этого периода вошли в национальное достояние и многих других народов, относящихся к иным, неираноязычным лингвистическим семьям, как проживающим на территории, ранее населенной иранцами, так и по соседству с ней, но формировавшимся под иранским влиянием.

В археологии южной половины Восточной Европы различаются три периода эпохи бронзы: ранний, средний и поздний, которые по господствующей в каждом из них культуре иначе называются ямным, или древнеямным, катакомбным и срубным. Не знакомясь с каждым из них детально, отметим, что, хотя в культурном развитии интересующей нас части Европы каждый из этих периодов был более прогрессивным сравнительно с предшествующим, чередование характерных для них культур было связано с катаклизмами, со сменой представляющего эти культуры населения. На большей части южной половины Восточной Европы древнеямная культура вынуждена была уступить свое место катакомбной, не связанной с ней своим происхождением, возникшей где-то на стороне, с другими традициями и с иным физическим типом населения. Свое название катакомбная культура получила по характерным для нее могилам в виде подземной камеры. Она занимала степную и частично лесостепную полосы Северного Причерноморья от Днестра до Волги. Население предшествующей ей древнеямной культуры в процессе своего дальнейшего развития создало срубную культуру и в свою очередь обратилось против катакомбного населения, к концу эпохи бронзы оно не только возвратило ранее принадлежавшую ему территорию, но и распространилось далеко за ее пределы. Одновременно со срубной культурой в лесостепном пограничье между Европой и Азией сформировалась сходная с ней во многих отношениях андроновская культура, экспансия которой направилась на восток – в Южную Сибирь и в Среднюю Азию.

Население всех этих культур по языковой принадлежности было индоевропейским, причем в части срубно-андроновской имеются основания относить его к индоиранской семье. В Азии андроновцы выступают, по видимому, не первыми представителями индоевропейцев, так как еще до них в нее проникла группа населения с языками тохарского типа, известная по тохарскому языку в Китайском Туркестане и, возможно, по современным с катакомбной культурой Северного Причерноморья поздним фазам афанасьевской культуры Минусинского края. Однако более или менее сплошное заселение индоевропейцами Южной Сибири до Енисея и Средней Азии связывается с распространением разных вариантов андроновской культуры. Овладевая просторами Средней Азии и смешиваясь с аборигенами, население с позднейшими вариантами андроновской культуры, преодолев встреченную на пути естественную горную преграду, расселилось по современному Ирану, Афганистану и северной части Пакистана и Индии, после чего только в двух последних из этих стран возникли отличные от иранских индусские языки. В письменных данных древнее ираноязычное население современного Ирана выступает под именами мидян и персов.

Ираноязычные имена в ассирийских письменных источниках появляются в XI – X веках до н. э. и связываются с областями Западного Ирана, находившимися в сфере политической активности Ассирийского царства. Что в это время происходило дальше на восток – в Центральном и Восточном Иране, – в этих источниках не отражено. Тем не менее некоторые современные историки, основываясь на данных ассирийской письменности, полагают, что ираноязычное население сначала проникло в Западный Иран. Они ведут его туда из степей Восточной Европы через Кавказ, хотя никаких следов движения иранцев этим путем в Азию археологическими памятниками не засвидетельствовано. Вероятнее полагать, что ираноязычное население явилось в области, пограничные с Ассирией, не с севера, а с востока, из Средней Азии.

Наиболее ранним иранским памятником в современном Центральном Иране считается могильник «В» в Тепе-Сиялке близ Кашана с его труположениями в скорченном виде и сопровождающим инвентарем. Исследовавший его Р. Гиришман датировал могильник X – IX веками до н. э., но позже наблюдалась тенденция к его омоложению в пределах IX – VIII веков вплоть до 700 года до н. э. Могильник «А» в той же местности относится к более раннему времени – к концу II тысячелетия до н. э., к XII – XI векам, и не связывается с иранцами. Было ли индоевропейское население на территории Ирана до вторжения туда иранцев – неизвестно. В Переднюю Азию индоевропейцы проникали из Малой Азии, где еще во II тысячелетии до н. э. существовали хетто-лувийские языки индоевропейского строя. Заимствования из индоевропейского были в касситском языке, появившемся на севере Передней Азии не позже XIX – XVIII столетий до н. э. Индоевропейские имена и слова известны в Северной Месопотамии, в особенности в царстве Митани в верховьях Евфрата, на западе Армянского нагорья и по восточному побережью Средиземного моря, главным образом в хурритской среде, начиная с XVIII – XVII веков до н. э. В дальнейшем из Малой Азии в Переднюю Азию вторглись родственные фригийцам армяне. Но все это относится к западной части Передней Азии.

По мнению Э. Герцфельда, в IX – VIII веках до н. э. в Северо-Западном Иране было уже большое число ираноязычного населения, но наряду с ним оставалось еще много и туземцев, сохранивших свой язык и свою культуру. К памятникам последних относятся находки в Хурвине, Хасанлу, Марлике, Амлаше и других местах современного Северо-Западного Ирана. Предполагается, что скотоводческие ираноязычные племена, селясь среди туземцев, постепенно заняли господствующее положение и, распространяя свой язык, сами восприняли местную культуру.

Расселение создателей срубной культуры по степной полосе Восточной Европы относится ко второй половине II тысячелетия до н. э. Вместе с ними вместо мышьякови-

стой бронзы северокавказского происхождения распространяется оловянистая приуральская бронза в формах, появляющихся вместе с сейминской культурой Прикамья и Среднего Поволжья. Эти последние возникают в готовом виде и обнаруживают близкое сходство с бронзами Западной Сибири. Есть основания полагать, что сейминская культура в Приуралье сложилась в результате миграции какой-то группы населения из Сибири. Характерные для нее вещи, но в составе совершенно иной культуры, известны по находкам в Монголии и Северном Китае – в столице древнего Иньского царства Аньяне, основание которой относится к XIV – XIII векам до н. э. Должно быть, этим же временем следует датировать и возникновение карасукской культуры в Минусинском крае, связанное с вторжением в него нового населения.

Быстрое распространение по Северному Причерноморью срубной культуры, заимствовавшей от сейминской культуры более совершенное сибирское вооружение, сопровождалось вытеснением и ассимиляцией занимавшей его катакомбной культуры с ее вариантом – культурой многоваликовой керамики, оттесненной в самый начальный период срубной экспансии из междуречья Дона и Северского Донца до низовий Дона и Днепра. Около середины XIII века до н. э. срубная культура оказывается уже на Днестре, где в составе замечательного Бородинского клада близ Белгорода-Днестровского найдены копья сейминского типа. К тому же времени срубная культура продвигается в степи Северного Кавказа, оттесняя к горам Кавказа господствовавшую там катакомбную культуру.

В последующее время в истории срубной культуры определяются два этапа: сабастиновский и белозерский, имевшие, по-видимому, не только хронологическое, но и территориальное значение. Памятники сабастиновского этапа распространены в северо-западном Причерноморье. В керамике наряду со старыми срубными формами появляются новые типы сосудов, как то: черпаки с петельчатой ручкой, кубки с цилиндрической шейкой, широко открытые вазы с парой ручек и др. Они тонкостенные, подлощенные и иногда с прочерченным или гребенчатым орнаментом. Памятники сабастиновского этапа относятся к XII – XI векам до н. э. и возникают, вероятно, в результате слияния населения срубной культуры с населением поздней катакомбной культуры и усиливающегося влияния Карпато-Подунавья. Дальнейшее развитие сабастиновская керамика получает на белозерском этапе, а затем и в скифской культуре.

По словам Геродота, скифы считали своей прародиной Нижнее Поднепровье, где в Гилее (Полесье) обитала их прародительница полуженщина-полузмея – Эхидна, а по другой версии их прародителем был Таргитай – сын Зевса (Папая) и дочери реки Борисфена (Днепра) (IV, 5 – 6; 8 – 10). Однако более вероятным Геродот признавал сообщение поэта Аристея, в VI или даже в VII веке до н. э. побывавшего у варваров Евразии и написавшего поэму «Аримаспия» (IV, 12), известную только по приведенным у Геродота отрывкам. В этой поэме говорилось, что скифы вторглись в Северное Причерноморье из-за реки Аракс в Азии, потесненные там то ли приуральскими массагетами, то ли южноприуральскими исседонами, изгнали господствовавших в нем ранее киммерийцев в Азию и, преследуя их, сами оказались по соседству с мидянами (IV, 11). Так как появление скифов в Передней Азии по данным, независимым от Геродота, относится к VII веку до н. э., этим временем датируется и вторжение их в Северное Причерноморье.

Хотя древнее, ведущее свое происхождение от Аристея мнение об азиатской родине скифов где-то за Араксом – Амударьей является господствующим и в современной науке, его достоверность подлежит сильному сомнению. Во-первых, ни массагеты, ни тем более исседоны не могли вытеснить скифов из-за Аракса, если под последним понимать среднеазиатскую реку Амударью. Эта река, через которую персидский царь Кир вступил в землю массагетов (I, 209 – 211), действительно названа Геродотом Араксом, так она по примеру Геродота именуется и позднейшими историками походов Александра Македонского. В дей-

ствительности Амударья называлась в древности Оксом. Название же Аракс перенесено на нее из Закавказья, где река с этим именем существует и в настоящее время. Представления Геродота о географии стран, прилегающих к Каспийскому морю, как и о самом этом море, были крайне неопределенными, и перенесение сведений, относящихся к одной его стороне, на другую было при этом условии не только возможным, но и неизбежным. Попытка некоторых ученых спасти положение путем замены Аракса на Оар, а Амударьи на Волгу основывается только на отдаленном созвучии первых двух имен. Геродот знал Волгу – Оар, хотя и не больше, чем по имени. Но он не мог спутать эту реку с Араксом, так как, по его же данным, Аракс вытекает из земли матиенов (I, 202) в современном Азербайджане, тогда как Оар протекает по земле меотов и впадает в Меотиду (IV, 123, 124) – Азовское море, то есть соответствует Кубани или Дону. Однако Геродоту были известны другие древние имена двух последних рек, из чего следует, что Оар действительно означает Волгу, хотя она ошибочно и связывается им не с Каспийским, а с Азовским морем. Далее, в археологических памятниках нет никаких данных о вторжении в Северное Причерноморье в VII или VIII веках до н. э. нового народа с особой культурой, что могло бы подтвердить сведения о появлении скифов именно в это время. Некоторые и притом немногие новые элементы в культуре Северного Причерноморья VIII – VII веков, как мы увидим ниже, не связываются ни со Средней Азией, ни с Сибирью, а скифская культура как таковая возникает только в VI веке до н. э.

Археология не знает ни о каком вторжении нового населения в Северное Причерноморье, которое могло бы соответствовать появлению там скифов и изгнанию ими киммерийцев после указанного выше распространения срубной культуры к западу от Волги и вытеснения ею предшествующей катакомбной культуры. Ввиду этого в основе события, о котором говорится у Аристея – Геродота, может лежать только смена катакомбной культуры срубной, соответствующая замене одного народа другим, а именно киммерийцев скифами. Что же касается Азии и Аракса, то они появились потому, что в сообщении Аристея – Геродота смешаны два различных разновременных события. Скифы действительно приходили в Северное Причерноморье из Азии из-за Аракса, но не при своем там первом появлении, а значительно позже, в VI веке до н. э., возвращаясь через Кавказ после продолжительного пребывания в Передней Азии, о чем будет рассказано ниже. Совмещение двух событий в одно оказалось возможным потому, что сведения Аристея – Геродота основывались на смутных преданиях, из которых наиболее конкретными, естественно, были относящиеся к менее отдаленному времени, то есть к возвращению скифов из Передней Азии. В них сохранилась память о закавказской реке Аракс, в представлении древних являвшейся границей между Европой и Азией. Но и в предании, относящемся к первоначальному появлению скифов, упоминаются реальные народы – исседоны или массагеты (восточные соседи скифов), предки которых представлены хотя и родственной со срубной, но иной, андроновской культурой, давление которой на срубную вполне ощутимо по археологическим данным и, во всяком случае, могло вызвать распространение последней на запад, а не на восток.

Срубная культура была оседло-земледельческой и представлена на Волге и в Северном Причерноморье многочисленными поселениями с жилищами типа землянок, нередко отличающимися значительной площадью – около 100 квадратных метров. Такие поселения в степи находятся по большей части в речных долинах на первой надпойменной террасе и содержат многочисленные остатки, свидетельствующие о занятии их обитателей не только земледелием на легких аллювиальных почвах, но и разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и даже свиней, а также, в благоприятных для этого условиях, рыболовством и охотой. Занимались они и домашними производствами, такими как изготовление оружия, орудий и вещей бытового назначения из камня, дерева, кости, рога и глины, прядением, ткачеством и переработкой для нужд потребления других продуктов своего хозяйства: зерна, молока, мяса, шкур, кожи и т. д.

Им была известна и металлургия бронзы – литье в вырезанных из камня твердых формах или по восковой модели. Однако металл был дорог, он получался со стороны – из Приуралья, северо-западного Причерноморья и из Трансильвании. В переплавку шли сломанные или несоответствующие своему назначению вещи. Литейное производство осуществлялось специалистами, может быть, даже бродячими, в связи с чем находится значительное число кладов, состоящих из предназначенного для переплавки лома, незавершенной или готовой продукции и литейных форм. Они оставлены ремесленниками, по той или иной причине не сумевшими вернуться к зарытому ими добру.

В первые века I тысячелетия до н. э. оседлые поселения в степной полосе Восточной Европы исчезают, что может означать только одно, а именно смену комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства специализированным скотоводческим и в соответствии с этим смену оседлого образа жизни кочевым. Разведение домашних животных существовало с мезолита и с того же времени всегда сочеталось с другими видами хозяйственной деятельности: охотой, рыболовством, собирательством и в особенности с земледелием. В зависимости от географических условий и совокупности хозяйственных занятий скотоводы вели оседлый или подвижный образ жизни и в соответствии с этим разводили те или другие виды животных. У оседлого населения предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту и свиньям, у подвижного – мелкому рогатому скоту и лошадям. Примитивная повозка на колесах была известна с энеолита, а кочевание как образ жизни существовало с древнейших времен как непосредственное продолжение бродячего образа жизни палеолитических охотников. Однако до конца эпохи бронзы скотоводство как у относительно оседлых, так и у более или менее подвижных общин было только одним из направлений хозяйственной деятельности, сочетавшимся с другими производствами в пределах каждого отдельного хозяйства. Оно могло играть в одних случаях большую, а в других меньшую роль, но не являлось единственной основой их существования.

Преимущественное внимание к разведению скота и увеличению его количества сверх пределов текущих потребностей данного хозяйства возникло тогда, когда скот и продукты скотоводства стали представлять собой меновую ценность, когда появилась возможность получения взамен их продуктов других производств. Только со времени развития регулярного обмена возникли специализированные скотоводческие хозяйства. При отсутствии значительных кормозаготовок содержание большого числа животных на подножном корму в одном месте было невозможным. Перегоняя скот с одного пастбища на другое, люди и сами вынуждены были порвать с оседлостью и сделаться кочевниками. В соответствии с природной средой возникают различные формы кочевания.

В ровных степях это более или менее непрерывное передвижение в меридиональном направлении: с юга на север и с севера на юг – в зависимости от времен года и состояния растительности. Зимой скот пасется на обильных кормовых беспасежках или малоснежных областях на юге, а летом, когда растительность выгорает от жары, содержится на севере, где травостой сохраняется более продолжительное время. В полупустынях и пустынях скот перегоняют на значительные расстояния; определяющим фактором содержания скота здесь является наличие воды – естественных источников или колодезей, и путь кочевников пролегает между ними. В горах скот летом пасется на альпийских лугах, а зимой содержится в малоснежных долинах или в предгорьях. В зависимости от емкости пастбищ кочевники живут то большими, то маленькими общинами и в соответствии с кормовыми ресурсами пастбищ разводят те или иные виды животных с преобладанием во всех случаях овец. В степях важную роль играет лошадь, в пустынях – верблюд. Главным транспортным животным во многих местах выступает бык или yak. Передвижение людей и их имущества совершается опять же в зависимости от географических условий или на применяемой в ровной степи повозке, оборудованной в виде передвижного дома на колесах – кибитке, или во вью-

ках, характерных для пустынь и гор. В последнем случае на местах остановок ставятся разборные жилища – юрты, состоящие из деревянного каркаса и войлочной оболочки.

Несмотря на определяющее значение скотоводства, кочевые хозяйства при первой возможности совмещали его с другими видами производственной деятельности, в том числе и с земледелием. В некоторых случаях кочевники возделывали небольшие участки земли, но при минимальном уходе за посевами урожай не мог быть сколько#нибудь значительным. Больше внимания они уделяли охоте и переработке продуктов скотоводства – шерсти, кожи, но и эти занятия редко выходили за пределы удовлетворения внутренних потребностей. Все виды хозяйственной деятельности при кочевом скотоводстве играли вспомогательную роль и ни в коей мере не обеспечивали кочевников при утрате основного источника существования, например при падеже скота или угоне его неприятелями. Скотоводческое кочевое хозяйство не могло доставлять своими ресурсами все средства существования своим владельцам, недостающие продукты им приходилось приобретать путем обмена излишков своего производства на продукцию хозяйств с другим направлением экономической деятельности.

Выделение скотоводов из остальной массы варваров Ф. Энгельс назвал первым великим общественным разделением труда, из чего, однако, не следует, что кочевое скотоводческое хозяйство, несмотря на свою специализацию, было уже товарным, то есть направленным на производство для обмена. Большая часть потребностей его владельцев удовлетворялась своими средствами, и только сравнительно небольшая часть продуктов питания, орудий, оружия и в особенности предметов роскоши в виде тканей, посуды, украшений и тому подобных вещей, не изготовлявшихся в домашних условиях самими кочевниками, получалась со стороны.

Главными контрагентами в обмене с кочевниками могли быть общества с более высоким, чем они, уровнем экономического развития, с выделившимся ремеслом и организованной торговлей. Кочевники всегда были заинтересованы в торговых связях с этими обществами и очень остро реагировали на их прекращение. Ряд известных истории войн кочевников с соседями был вызван препятствиями, чинимыми правительствами этих обществ для торговли с ними. Способствовал контактам с инокультурным окружением и самый образ жизни кочевников с их регулярными передвижениями на значительные расстояния. Это обстоятельство, а также имевшаяся у кочевников развитая система транспорта делали их весьма удобными помощниками и посредниками торговцев, прибывающих из других стран. Торговые караваны, пересекавшие пустыни и степи, проходившие через малодоступные горы, делали занятые кочевниками области подобными по значению морям, соединяющим отдаленные страны между собой, и при том столь же опасными для путешественников, которым угрожали и стихии, и человеческие страсти.

Раньше других перешли к кочевому образу жизни богатые хозяйства с большим количеством скота, но вскоре этот процесс охватил все население степей, так как наряду с кочевым скотоводством существование оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства стало невозможным: скот вытапывал поля и травил посевы. В полупустынях и пустынях и раньше господствовал подвижный образ жизни, теперь же там, где при наличии искусственного орошения не окрепло земледельческое хозяйство, он остался единственным из возможных. В горах ввиду ограниченности передвижений связь с зимовниками оказалась более прочной, и быт, как и раньше, остался полукочевым.

Существовавшее и прежде экономическое и социальное неравенство с возникновением кочевого скотоводства значительно усилилось. Одновременно увеличилась и эксплуатация бедных богатыми. Богатые хозяйства нуждались в рабочей силе для ухода за скотом, его охраны и переработки продуктов скотоводства. Беднота попадала в экономическую кабалу, до поры до времени прикрываемую маской родовой солидарности и взаимопомощи. За подачки в виде нескольких голов скота или даже только за право пользоваться молоком

и шерстью определенного числа животных бедные сородичи так же, как кабальные и рабы, должны были выполнять различные работы по хозяйству своего «благодетеля», обычно выступавшего вместе с тем в роли родовладыки или племенного вождя.

Огромную роль при кочевом образе жизни стала играть война. И не только потому, что кочевники были более приспособлены для этого занятия, а потому, что она стала своего рода производством-промыслом. Кочевое скотоводческое хозяйство было неустойчивым, скот нередко погибал вследствие эпизоотий и гололедов, или его похищали враги. Потерявшим скот грозило не только разорение, но и голодная смерть. Восстановить положение можно было, отобрав скот у других. К этому надо добавить столкновения из-за пастбищ и грабительские набеги с целью обогащения. Разбои и грабежи вместо обмена, завоевательные войны становятся обычными явлениями в кочевнической среде. Они были нужны и кочевой аристократии, таким путем добывавшей себе власть и богатство, и рядовым кочевникам, стремившимся за счет военной добычи улучшить свое материальное и социальное положение. Путем завоеваний и союзов в степях создавались огромные, но недолговечные империи, нередко распространявшие свою власть и на соседние оседло-земледельческие области, значительно более развитые в социально-экономическом и культурном отношении, чем их завоеватели. Причиной же крушения таких империй чаще всего являлось соперничество и вражда между племенами, не пользовавшимися в них одинаковыми правами.

Заселение Северного Причерноморья народом срубной культуры, то есть предками исторических скифов, происходило еще в условиях существования у него оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства. Переход к кочевому скотоводству совершился уже в период господства этого народа в степях Северного Причерноморья и растянулся на несколько столетий. Еще в IX веке до н. э. в долинах больших степных рек, таких как Днепр и Дон, существовали оседлые поселения. Окончательно они исчезли в VIII веке до н. э. Но к тому времени относится и зафиксированное археологией общее запустение степей. Однако прежде чем заняться последним явлением, нам необходимо рассмотреть вопрос об отношениях киммерийцев и скифов.

У Геродота говорится, что при заселении Северного Причерноморья скифы изгнали обитавших там до них киммерийцев. По его словам, теснимые скифами киммерийцы собрались на Днестре и там решили, как им быть дальше. Киммерийские цари (вожди) настаивали на продолжении борьбы со скифами, но народ решил оставить свою страну. Тогда будто бы киммерийские цари разделились на две группы и, сражаясь между собой, перебили друг друга. Киммерийцы похоронили их у реки под таким высоким курганом, что могила была видна еще во времена Геродота, а сами удалились в Малую Азию, но путь для своего переселения странным образом выбрали не по ближайшему к цели западному, а по восточному берегу Черного моря (I, 103; IV, 11, 12). Мало того что второй путь был много труднее первого, он еще вел в сторону врагов, от которых уходили киммерийцы.

Кроме того, возникают и хронологические противоречия. Если мы согласимся, что изгнание скифами киммерийцев произошло в последней трети II тысячелетия до н. э., когда народ срубной культуры оттеснил носителей катакомбной культуры к западной оконечности их территории, то это расходится с данными ассирийской письменности, в которой встревожившее ассирийцев появление киммерийцев (гимирри) в Закавказье на границе Ванского царства (Урарту) отмечено в 20-х годах VIII века до н. э. С другой стороны, независимый от Геродота, значительно более поздний греческий писатель Страбон сохранил смутные воспоминания о нападении киммерийцев на Малую Азию с западной стороны Босфора из Фракии еще во времена Гомера или даже раньше (География, I, 2, 9; III, 2, 12). Время Гомера можно понимать по-разному – или как время создания гомеровского эпоса (считается, что это VIII век до н. э.), или как время описанных в нем событий – Троянской войны (это XIII век до н. э.). Когда же киммерийцы перешли через Босфор?

И Геродот (I, 6), и Страбон (I, 3, 21; III, 2, 12; XI, 2, 5; XIII, 4, 8; XIV, 4, 40) упоминают о нападениях киммерийцев на Малую Азию – от Пафлагонии в северной части этого полуострова до Эолиды и Ионии на юго-западе и Фригии в его центральной части; причем Страбоном они отождествляются с трерами, фракийским племенем, которое помещают на Балканском полуострове на реке Искыре между трибаллами и бессами (в северо-западной части современной Болгарии между Балканскими горами и Дунаем – Страбон, XIII, I, 8; XII, 7). Страбон же называет треров соседями фракийцев (I, 3, 18). По Фукидиду (История, II, 96, 4), треры относятся к фракийцам.

В Малой Азии киммерийцы заселили часть Фригии восточнее Абидоса (Страбон, XIII, I, 8), а по Стефану Византийскому (ВДИ, 1948, № 3, с. 345) они около ста лет владели на северо-западе Малой Азии городом Антандром, который даже назывался Киммеридой. Все это свидетельствует, что киммерийцы действительно вторгались в Малую Азию из#за Босфора. Возможно, что и отождествление киммерийцев с трерами имеет под собой серьезные основания. Изгнанные из Северного Причерноморья киммерийцы отступили в Карпато-Дунайскую область, где и смешались с фракийцами, в результате чего возникла так называемая фрако-киммерийская культура, распространенная, как полагают венгерские археологи, широкой полосой вдоль Карпат и в Подунавье. Однако время, когда смешанное население этой области достигло Босфора и начало свои разбойничьи нападения на Малую Азию, остается неизвестным.

Страбон (XIII, 4, 8; XIV, I, 40) в качестве источников своего осведомления об этих нападениях ссылается на Каллина, поэта первой половины VII века до н. э., и на Каллисфена, писателя IV века до н. э. Со слов последнего он знает, что царь Лидии Гиг (Гуггу) погиб в борьбе с киммерийцами, а столица этой страны Сарды была ими захвачена (кроме кремля) при его сыне Ардисе. О том же сообщает и Геродот (I, 15). Время жизни Гига В. В. Струве определяет между 692 и 654 годами. Еще раньше, около 676 – 674 годов, сын мифического основателя Фригийского царства Гордия Мидас (асс. Мита) отравился бычьей кровью, чтобы не попасть в руки киммерийцев (Страбон, I, 3, 21). Из этого следует, что наиболее значительные выступления киммерийцев в Малой Азии относятся к VII веку до н. э., но это то время, когда там находились не только западные киммерийцы, то есть фрако-киммерийцы, явившиеся в Малую Азию из#за Босфора, но и киммерийцы, вторгшиеся туда через Кавказ.

Эти последние разбили выступившего против них урартского царя Русу I, а в 679 – 678 годах сами были разбиты ассирийцами, причем погиб их царь Теушпа. Но это не оставило киммерийцев. Теперь они напали на расположенную в середине Малой Азии Фригию, затем и на Лидию. Предводителем киммерийцев, взявших Сарды, был, по Страбону (I, 3, 21), известный Плутарху (Марий, XI) и Каллимаху (Гимны, III. К Артемиде) Лигдамис, погибший в дальнейшем в Киликии, в юго-восточной части Малой Азии, пограничной с Ассирией. В гимне Ашшурбанипала богу Мардуку он упоминается под именем Тугдамме, царя Умман-Манды. Вторично Сарды были захвачены в 645 году до н. э. Кобом, стоявшим во главе сближаемых с киммерийцами треров.

Из всего этого следует, что восточные киммерийцы и западные фрако-киммерийцы разбойничали в Малой Азии приблизительно в одно время, нападая на нее с разных сторон, возможно, но не обязательно находясь в связи друг с другом, а также что в рассказе Геродота об изгнании киммерийцев из Северного Причерноморья совмещены два события, одно из которых относится к западным киммерийцам, а другое – к восточным. Переселение киммерийцев при этом могло быть не только двухактным, но и отделенным одно от другого значительным промежутком времени.

Срубная культура разрезала катакомбную на две части, из которых одна оказалась прижатой к Днестру и вместе со своими создателями ушла за Карпаты, а другая, восточная,

удержалась в Азово-Каспийском междуречье – только оттуда киммерийцы могли попасть в Малую Азию через Кавказ.

В. А. Городцов пытался определить киммерийские памятники Северного Причерноморья, но смог выделить в их число только некоторые виды позднебронзовых предметов, которые в дальнейшем оказались относящимися к позднему второму периоду срубной культуры. О. А. Кривцова-Гракова признала срубную культуру этого периода киммерийской; к этому мнению присоединились и многие другие археологи. Однако еще в этом периоде памятники сабашиновского этапа срубной культуры распространяются по всему Северному Причерноморью, не отличаясь существенным образом ни в одном из его районов, что дало бы возможность выделить из господствующего скифского населения остатки сохранивших свою независимость киммерийцев. Позже, на белозерском этапе некоторые особенности выступают в кизыл-кобинской культуре Крыма и в сходных с нею памятниках Прикубанья на северо-западном Кавказе. Однако кизыл-кобинская культура горного Крыма, по видимому, восходит к дольменной культуре западного побережья Кавказа и генетически не связывается с занимавшей степной Крым катакомбной культурой. Это культура известных по письменным источникам тавров, которых многие исследователи без достаточных к тому оснований считали остатком киммерийцев, сохранившимися под защитой Крымских гор.

В своем продвижении на юг срубная культура оттесняла катакомбное население Азово-Каспийского междуморья к горам Кавказа. Она рано заняла Доно-Маньчскую степь; в поселении Ливенцовка в низовьях Дона сохранились следы упорного сопротивления, оказанного ей прежними хозяевами этой области с их многоваликовой керамикой. Сооруженное ими укрепленное поселение, с напольной стороны огражденное рядом разделенных узкими проходами больших жилищ со сложенными из камней стенами, некоторое время выдерживало нападение осыпавших его кремневыми стрелами людей срубной культуры, но в конце концов пало, как, вероятно, и многие другие очаги сопротивления разрозненных катакомбных племен. Под натиском срубников катакомбное население степей Азово-Каспийского междуморья отходило к Кавказу и проникало в предгорья к югу от Кубани. Но и туда вслед за ним распространялась срубная культура, по меньшей мере в некоторых характерных для нее элементах.

В Доно-Маньчской области не найдено в катакомбных погребениях глиняных курильниц 3-го типа по классификации А. А. Иерусалимской, какие находятся в других областях катакомбной культуры Азово-Каспийского междуморья и характерны для позднейшего этапа ее существования. К XI веку до н. э., ко времени возникновения кобанской культуры горного Кавказа, катакомбные могилы вообще прекращают свое существование. К этому времени по всей степной полосе господствующими становятся сильно скорченные погребения на боку с кистями рук у лица, впущенные в насыпи или в материк более древних курганов. По большей части они безинвентарные или сопровождаются одним грубым горшком баночной формы. Такие погребения относятся к срубной культуре, но они распространены значительно шире занятой ею области и характерны для всего позднебронзового века. Ввиду этого можно предположить, что в составе культуры поздней бронзы, унифицированной срубным влиянием, в степи Азовско-Каспийского междуморья могло сохраниться киммерийское население, в особенности в прикаспийской ее части, геофизические условия которой не отвечали требованиям типичного срубного хозяйства.

В Прикаспийской степи, несмотря на значительные раскопки, не встречено памятников срубного типа. Эпоха бронзы закончилась там катакомбными погребениями едва ли моложе XI – X веков до н. э., и взамен их неизвестно памятников иного рода вплоть до V века до н. э. Около половины тысячелетия эта область остается незаселенной. В порядке предварительного предположения все же можно допустить, что если не там, то все же где-то в пределах Азово-Каспийского междуморья до VIII века до н. э. оставалась часть киммерийцев, сохра-

нившихся в виде особого народа в период господства в южной половине Восточной Европы ираноязычных создателей срубной культуры.

Известные истории три имени киммерийских вождей в Малой Азии – Теушпа, Лигдамис (Тугдамме) и Сандакшатру считаются иранскими, что служит основанием некоторым ученым относить киммерийцев, как сарматов и скифов, к ираноязычным народам. Однако если связывать киммерийцев с катакомбной культурой, такое заключение невероятно, катакомбная и срубная культуры настолько различаются между собой, что об общем их происхождения и этническом родстве не может быть и речи. Следовательно, если имена киммерийских вождей действительно иранские, их можно отнести только на счет срубного влияния на катакомбную культуру. А если это так, то влияние могло не ограничиться именами, а распространиться и на другие стороны киммерийской культуры. Это тем более вероятно еще и потому, что сама срубная культура на последних этапах своего существования претерпела важные изменения, охватившие также и другие соседние культуры. Иными словами, киммерийская культура за время контактов со срубной культурой могла настолько сблизиться с последней, что распознавание археологических памятников той и другой стало почти невозможным.

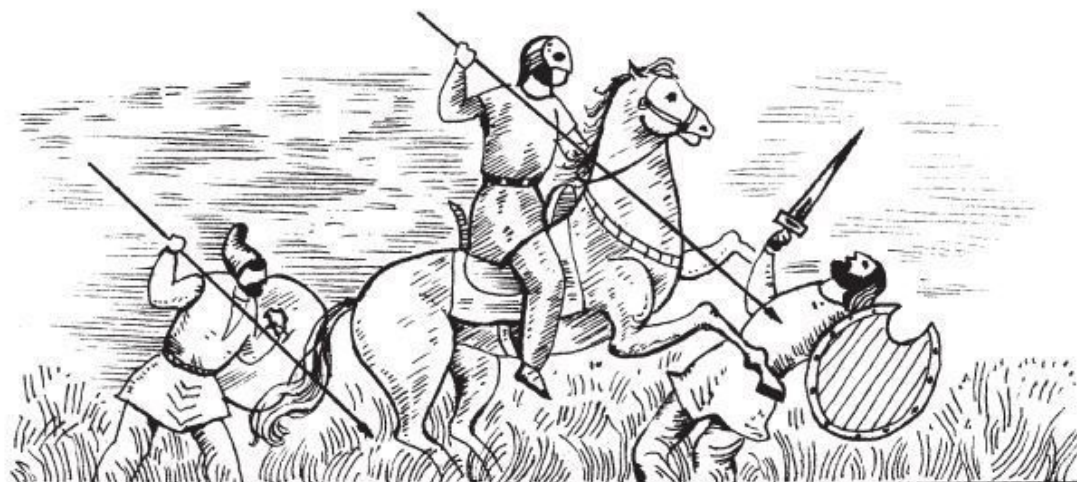
Самым главным условием унификации степных культур было распространение кочевого скотоводства и вместе с ним новых форм быта, при которых многие прежние элементы культуры должны были исчезнуть, уступив свое место другим, более соответствующим изменившемуся образу жизни и новым отношениям между различными группами и слоями населения. Даже такой устойчивый, консервативный признак культуры, как обряд погребения, отступает под натиском новых обстоятельств и утрачивает многие прежние черты, что существенным образом усложняет задачу установления преемственности, а следовательно, и распознавания этнических образований.

Э. С. Шарафутдинова выделила особую кобьяковскую культуру, представленную несколькими поселениями на Нижнем Дону. Она определила ее хронологию X – VIII веками до н. э. и отметила сходство ряда характерных для этой культуры элементов с распространенными в то же время на Северном Кавказе. Таким образом, оказывается, что в первые века I тысячелетия до н. э. сформировавшаяся где-то поблизости от Северного Кавказа, то есть в Азово-Каспийском междуморье, особая культура, иначе говоря, особое этническое образование распространяется к Нижнему Дону и в течение по крайней мере двух столетий противостоит не только кобанской культуре Кавказа, но и заполняющим тогда Приазовско-Причерноморские степи кочевникам, но в VIII веке она исчезает без следа. Было бы преждевременно отождествлять кобьяковскую культуру с киммерийцами, но она является бесспорным свидетельством нахождения в Азово-Каспийском междуморье населения, не совпадающего ни с населением горного Кавказа, ни со скифами Северного Причерноморья. При этом очевидно, что киммерийцы могли сохраниться как особый народ до переселения их в Малую Азию в VIII веке только в пределах Азово-Каспийского междуморья, так как только оттуда они могли пройти к новому месту своего поселения по восточному побережью Черного моря. А они появились в Малой Азии через Закавказье, об этом согласно свидетельствуют и клинописные тексты, и Геродот.

Резюмируя сказанное, можно признать, что исторические скифы ведут свое происхождение от народа срубной культуры, в последней трети II тысячелетия до н. э. вытеснившего из Северного Причерноморья большую часть отождествляемого с киммерийцами народа с катакомбной культурой. Эта западная часть киммерийцев ушла за Дунай и Карпаты и через Балканский полуостров вместе с фракийцами вторглась в Малую Азию. Оставшаяся в Азово-Каспийском междуморье восточная часть киммерийцев в течение нескольких столетий сосуществовала в соседстве с иранской срубной культурой и за это время, как и последняя, утратила многие из своих прежних этнографических признаков, а затем в VIII веке до н.

э. переселилась, как и ее западные соплеменники, в Малую Азию, но уже не по западному, а по восточному берегу Черного моря.

Киммерийцы и скифы в Азии

По Геродоту, скифы, преследуя изгнанных ими из Северного Причерноморья киммерийцев, сбились с пути и вместо того, чтобы идти вдоль западного побережья Кавказа, где шли киммерийцы, двинулись по Каспийскому побережью и поэтому оказались не в Малой Азии, куда удалились киммерийцы, а в Передней Азии в бассейне Аракса севернее озера Урмии (I, 103; IV, 12) в стране, называемой у Страбона Сакасена (XI, 8, 4; 44, 4), а позже под этим именем (Шакашен) известной армянам. Но этим несообразности в рассказе Геродота не ограничиваются. Из древневосточных источников известно, что киммерийцы появились в Малой Азии в 20-х годах VIII века до н. э., тогда как первые упоминания о скифах в тех же источниках относятся к 70-м годам VII века. Вторжение тех и других в Азию, следовательно, разделяет по меньшей мере пятьдесят лет, что не согласуется с понятием о преследовании. Ясно, что преследования в собственном смысле этого слова не было, что киммерийцы и скифы ушли в Азию независимо друг от друга и при этом в совершенно разные места. Едва ли можно сомневаться, что те и другие с самого начала знали, куда идут и на что могут рассчитывать в новом месте поселения. Киммерийцы знали, что в Малой Азии они найдут ранее переселившихся туда соплеменников, а скифы выбрали себе новое место поселения по соседству с родственными с ними ирано-язычными мидянами.

Вторжение скифов в Азию обычно рассматривается как кратковременное военно-грабительское предприятие, как поход или несколько следующих один за другим походов, поскольку скифы неоднократно и в течение довольно длительного времени выступают в переднеазиатских событиях. Некоторые исследователи, опираясь на Страбона (XI, 8, 4), связывающего с саками вышеупомянутое название лучшей области древней Армении (современного Азербайджана) Сакасена, полагают, что совместно со скифами или попеременно с ними действовали среднеазиатские саки и что по имени последних эта область и получила свое название.

По словам Страбона, саки дошли до Каппадокии и Евксинского (Черного) моря, но персы в этой стране напали на них ночью во время праздника и совершенно уничтожили. В честь этого события персами был будто бы учрежден ежегодный праздник Сакеи (XI, 8, 4). В легендарном рассказе об этом празднике саки явно подставлены вместо скифов, действительно уничтоженных, хотя и не персами, а мидянами. Персы овладели Малой Азией значительно позже ухода скифов из Азии; о походах же саков до Черного моря иначе, как в составе персидской армии, никаких других сведений не имеется. Следует иметь в виду,

что персы называли саками не только среднеазиатских варваров, но и близкородственных им северочерноморских скифов так же, как греки распространяли имя скифов на среднеазиатских саков. Ввиду этого персидское название занятой скифами страны – страна саков – вовсе не требует для своего объяснения поселения в ней саков, а не скифов. И те, и другие были настолько близки между собой, что название одного из этих народов легко переходило на другой.

Продолжавшееся в течение почти ста лет участие скифов в событиях, происходивших в Передней и Малой Азии, не может быть квалифицировано как один или несколько походов скифов из Северного Причерноморья. О серии походов не приходится говорить не только потому, что об этом умалчивают источники, а главным образом потому, что скифы выступают в Азии в определенном месте, в занятой ими названной области, и притом в течение длительного времени, чего не могло бы быть при эпизодических появлениях. Это были не походы, а переселение с расчетом остаться в оккупированной стране.

В качестве возможной причины переселения можно было бы предположить так называемый «демографический взрыв», обычно сопровождающий существенные улучшения в условиях существования людей, то есть быстрое увеличение населения вслед за переходом его в северочерноморских степях к специализированному скотоводческому, а следовательно, и кочевому хозяйству. В данном случае следовало бы, пожалуй, говорить не о перенаселении в собственном смысле этого слова, а о значительном увеличении поголовья скота у населения степей и о возникшем в связи с этим острым недостатке пастбищ для его содержания. Впрочем, одно с другим настолько тесно связано, что термин «перенаселение» покрывает и то, и другое. Но эта причина маловероятна, так как перенаселение могло привести, как это обычно и бывает, к выселению излишков населения, а не к тому обезлюдению степей Северного Причерноморья, какое констатируют археологи, сопоставляя количество памятников VIII – VII веков с числом их предшествующего времени. Полагают также, что вторжение скифов в Переднюю Азию может быть связано с вступлением их в период «военной демократии», при которой война и грабеж становятся своего рода производством, промыслом. При этом, однако, имеется в виду не переселение в собственном значении этого слова, а военно-грабительские походы скифов в страны Древнего Востока. Но мы уже показали, что появление скифов в Передней Азии было не эпизодическими военными предприятиями, а настоящим переселением, ввиду чего и мотивировка его жадной обогащения отпадает. Война и грабеж сами по себе никогда не являются целью народных переселений, для них существуют другие, более глубокие причины. Война и грабеж сопровождают переселения, а не вызывают их. Остается думать, что причиной переселения скифов были серьезные изменения в окружающей их природной среде, вызванные периодически происходящими климатическими колебаниями. Наступление засушливого периода в степях Северного Причерноморья и могло послужить причиной переселения скифов в Азию, в предгорья и горы с их более устойчивым распределением осадков и растительности. Другие причины переселения скифов отсутствуют. Но если это так, то и предшествовавшее скифскому переселению киммерийцев в VIII веке до н. э. могло быть вызвано той же причиной. Занимавшие наиболее засушливую, полупустынную часть Восточной Европы – прикаспийскую степь, киммерийцы раньше, чем скифы, могли испытать на себе тяжесть неблагоприятных климатических условий и двинуться в другую страну. Примерно через пятьдесят лет в таком же положении, как они, оказались и северочерноморские скифы, также не нашедшие другого выхода из него, кроме переселения, и устремившиеся в Азию. Это было не стихийное беспорядочное бегство людей куда попало, а переселение по заранее разработанному плану, свидетельствующее, что скифы, как и ранее киммерийцы, представляли собой организованное общество, скорее всего в виде союза племен, управляемого советом родоплеменных властей и выбранными ими военными предводителями. Такие союзы создавались скифами, веро-

ятно, и раньше, но с более ограниченными целями и не столь значительные по размерам. Теперь же в союз вошло большинство кочевого населения Скифии, для которого передвижение на далекое расстояние не составляло неразрешимой проблемы, и, возможно, какая-то часть оседлого, как и кочевники, испытывающего губительное влияние засухи. О самом передвижении скифов в Азию ничего не известно, кроме того, что путь их пролегал по побережью Каспийского моря. Никаких памятников, оставленных ими на этом пути, не обнаружено, а те находки в Дагестане, которые относятся за счет скифов, датируются значительно более поздним временем, чем переселение. Точно так же и так называемые скифские памятники Азербайджана оставлены не скифами, а другими народами, вовлеченными в процесс становления скифской культуры после переселения скифов в Азию. Внимание археологов давно уже обращено на запустение Северного Причерноморья в VIII – VII веках до н. э., что выражается в значительном уменьшении числа памятников, относящихся к этому времени, сравнительно с предшествующим и последующим периодами. Указывалась и непосредственная причина запустения, а именно уход киммерийцев и скифов в Азию. Однако со всей реальностью и с полным своим значением это явление выступает только в настоящее время, когда мы можем назвать подлинную его причину, а именно ухудшение климатических условий, к которым особенно чувствительным было еще не окрепшее кочевое хозяйство.

Не следует думать, что переселения киммерийцев и скифов привели к полному обезлюдению степей Северного Причерноморья. Часть прежнего населения в них осталась в тех местах, где можно было пережить длительную засуху, например в особенно обильно увлажненных долинах больших рек, хотя наиболее удобные участки их, где раньше находились поселения срубной культуры, были ввиду подъема воды в реках затоплены или заливались водой в половодья. Уцелело население и в лесостепной полосе, где сохранялось оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Там произошли лишь некоторые перемещения отдельных групп населения в связи с изменениями в ландшафте. Так, именно в это время оседлое население с культурой скифского типа появилось в лесостепном днепровском левобережье, где его раньше, по видимому, не было. По правую сторону Днепра земледельческое население сдвинулось к северу вслед за перемещением границы степи с лесостепной полосой. Впрочем, вопрос о перемещениях земледельческого населения в Скифии остается еще недостаточно изученным, и приведенные выше заключения являются первыми и предварительными соображениями.

Ранее скифов переселившиеся в Малую Азию из Азово-Каспийского междуморья киммерийцы выступают в переднеазиатских источниках – если исключить сомнительное упоминание их в хеттской иероглифической надписи середины VIII века до н. э. из Кархемиша о разгроме царства Кулха в Закавказье (вероятно, на реке Чорох) – в донесениях ассирийских шпионов из Ванского царства, относящихся к 722 – 715 годам до н. э. В них сообщается о разгроме ванского царя Русы I, учиненном киммерийцами где-то близ северо-западной границы Ванского царства, вероятно, еще на пути к Малой Азии (ВДИ, 1939, № 1, с. 266 – 368). В 679 – 678 годах до н. э. киммерийцы вторглись в Ассирию, но потерпели поражение. Царем их в это время вавилонская хроника называет Теушпу, а местом события Кушехну, соответствующую, по видимому, Хубушну (Хубушкия) в верховьях реки Тигр; так указано в анналах Асархаддона. В своей хронике ассирийский царь с торжеством заявляет: «Теушпу киммерийца, земля которого далеко, я убил и войско его уничтожил». Несколько позже Асархаддон с тревогой вопрошает бога Шамаша: «...сбудутся ли планы... воинов гимири (киммерийцев)?» В то же время киммерийцы значатся в числе наемного войска Ассирии.

Сопоставляя данные восточных и греческих источников, И. М. Дьяконов представляет дальнейшую историю киммерийцев следующим образом: около 676 – 674 годов до н. э. киммерийцы в союзе с Ванским царством и еще каким-то народом разгромили находившееся

в центральной части Малой Азии государство Фригию. Союз между Ванским царством и киммерийцами в 672 году весьма обеспокоил Ассирию, опасавшуюся нападения на область Шубрию на северной границе Ассирийского царства в Сасунских горах по соседству с Ванским царством.

Около 660 года до н. э. Лидия в западной части Малой Азии и Табал на востоке близ Ассирии обращаются к ассирийцам за помощью против киммерийцев, что не помешало последним напасть на Лидию. В битве с ними около 654 года до н. э. лидийский царь Гуггу (Гиг) был убит, а столица его царства Сарды взята и разграблена победителями. В 650 – 640# х годах до н. э. на помощь Лидии пришла наконец Ассирия. Направленные ею в Малую Азию скифы под предводительством своего царя Мадия разбили киммерийцев, которых тогда возглавляли Лигдамис (Тугдамме) и его сын Сандакшатру. Известно, что первый из них погиб в Киликии, в юго-восточной Малой Азии вблизи границы с Ассирией. Мадия приписывается и победа над трерами, предводителем которых был Коб. Имеются сведения, что треры уже после киммерийцев взяли Сарды в 645 году до н. э.

Имя Лигдамиса было известно Плутарху (Марий, XI), который называет его предводителем наиболее воинственной части киммерийцев, под давлением скифов вторгшейся в Малую Азию от Меотиды (Азовского моря), тогда как на самом деле ко времени жизни этого царя киммерийцы уже не менее 70 – 80 лет жили и бесчинствовали в Малой Азии.

Борьба скифов с киммерийцами и их союзниками фракийскими трерами, закончившаяся поражением тех и других и поселением киммерийцев в Каппадокии по реке Галис (Кызыл-Ирмак), и послужила, по всей вероятности, основой для созданной греками легенды о неутолимой вражде к киммерийцам и о преследовании их скифами от Северного Причерноморья до Малой Азии, благодаря чему и сами скифы будто бы попали в Азию.

В действительности, как мы видели, скифы появились в Азии значительно позже киммерийцев и за несколько десятков лет до столкновения с ними в Малой Азии. Первое упоминание скифов в ассирийских источниках, как уже говорилось, относится к семидесятым годам VII века до н. э., когда они в союзе с маннейцами и мидянами выступают против Ассирии. Вождем скифов этого времени называется Ишпакаи, а занятая ими страна граничит на юго-востоке с мидянами, на юге с царством Манна, а на западе – с Ванским царством. Точные границы ее неизвестны, но приблизительно она находилась между северной оконечностью озера Урмия и рекой Курой, охватывая, вероятно, Мильскую степь, занимавшую угол между Курой и Араксом. По словам Страбона (XI, 8, 4), это была лучшая земля в Армении, в которую в те времена входила западная часть современного Азербайджана. На новом месте своего жительства скифы, несомненно, встретились с туземным населением, и, хотя неизвестно, как они с ним поступили, вероятнее всего полагать, что аборигены были ограблены, частью истреблены, а частью изгнаны или подчинены скифами и в случае надобности входили в той или иной роли в их ополчения.

Согласно имеющимся данным, едва успевшие обосноваться на новом месте скифы немедленно были вовлечены в войну, кипевшую тогда между народами Передней Азии. Около 674 года до н. э. Ассирия вела борьбу с восставшими против нее мидийскими племенами. При этом ассирийским отрядам пришлось иметь дело не только с мидянами, но и с пришедшими им на помощь скифами, появившимися в ближайших к Ассирии мидийских областях Сапарда и Бит-Кари, куда скифы могли проникнуть только через территорию Маннейского царства, возникшего южнее и восточнее озера Урмия еще в конце IX века до н. э. путем объединения маннейских племен. Это царство в то время тоже воевало с Ассирией. Маннейцы с участием скифов захватили ряд пограничных ассирийских крепостей. Положение Ассирии было явно неблагоприятным, несмотря на то, что в хвалебной надписи Асархаддона говорится о разгроме маннейцев и гибели «войска Ишпакаи, скифа, союзника, не спасшего их».

В то же время в так называемых оракулах – вопросах к богу Шамашу – в качестве союзников маннейцев упоминаются киммерийцы. Невероятно, чтобы это были те же самые киммерийцы, которые в то время разбойничали в Малой Азии. Скорее всего термин «гим-ирри», означающий народ, уже известный Ассирии, употреблен здесь в смысле «северные варвары» в приложении к плохо еще знакомым скифам. В одном из писем к ассирийскому царю говорится о каких-то переговорах с «киммерийцами» и о том, что они обещали не вмешиваться в ассиро-маннейские отношения.

Между тем восстание мидян расширялось. Под руководством своего вождя Каштарити они осаждали господствовавшие над их страной ассирийские крепости. Почти вся Мидия была потеряна ассирийцами. Ассирия пыталась завязать переговоры и с Каштарити, и со скифами с целью разорвать их союз. Замечательно, что в одном из сохранившихся документов этого времени наряду с «киммерийцами» названы скифы, из чего можно заключить, что в борьбе с Ассирией принимали участие не только скифы, но и другие народы. Все они покрывались общим именем «киммерийцы», равнозначным нарицательному обозначению их северными народами, причем скифы едва ли занимали среди них господствующее положение.

В ходе войны с Ассирией вождь скифов Ишпакаи был убит. Его наследник Партатуа (у Геродота Прототий) значится уже не вождем, а царем страны Ишкуза, то есть Скифского царства. Из этого следует, что положение скифов изменилось в занятой ими стране: глава их из племенного вождя превратился в подобного другим восточным правителям царя. Партатуа пошел навстречу предложениям Ассирии и, изменив прежним союзникам, перешел на ее сторону. В награду он получил в жены дочь Асархаддона, а вместе с тем и признание его нового положения как главы Скифского царства, вероятно, включавшего в свой состав не только скифов, но и подвластные им туземные племена, ставшие теперь скифами по своей политической принадлежности. В результате перемены в политике скифов Ассирии с их поддержкой удалось отбить мидян и удержать часть своих владений в их стране. Зато все остальные части Мидии полностью освободились от власти Ассирии и основали независимое Мидийское царство, вставшее рядом с Маннейским и Ванским царствами. В тылу у них всех находилось союзное с Ассирией Скифское царство.

В 660 – 659 годах до н. э. Ассирия напала на Маннейское царство, и ее войска осадили важнейшие города страны: столицу царства Изырты (предполагаемый современный город Саккыз), Узбию (Зивийе), Урмейаше (Армаит), но взять их не смогли, а ограничились угоном окрестного населения в плен и захватом главного богатства страны – скота. После ухода ассирийцев в Манну вспыхнуло восстание подвластного населения, царь Ахсери был убит, а его наследник обратился за помощью к Ассирии. Возможно, что справиться с восставшими ему помогли союзники Ассирии скифы. В пятидесятых годах того же столетия их царь Мадий со своими скифами был направлен Ассирией в Малую Азию для войны с киммерийцами и трерами, о чем уже говорилось. Мадий выступает как подручный ассирийского царя, выполняющий его поручения. Скифы прошли в Малую Азию, вероятно, через территорию Ассирии, так как ассирийцы не сомневались в их верности и послушании.

После этого известия о скифах прекращаются более чем на тридцать лет – должно быть, не потому, что они утратили свою политическую самостоятельность и перестали угрожать соседям, а потому, что письменных памятников этого периода известно очень мало. Скифы вновь появляются на исторической арене только в последней четверти VII века, когда руководящая роль в политической истории Древнего Востока определенно переходит от Ассирии к Вавилону. Этот период в истории скифов в Азии тщательно исследован В. А. Белявским по клинописным, еврейским и греческим источникам. Ему мы и следуем в дальнейшем изложении.

Огромный город и важнейший центр древневосточной культуры Вавилон входил в состав Ассирийской империи. В 627 году он восстал, и царем его стал Набопаласар, создавший мощную коалицию противников Ассирии, в которую в первую очередь вошла Мидия. Мидийский царь Фраотр в 625 году выступал против Ассирии, но был разбит и пал в сражении. Во главе Мидии стал его сын Киаксар. Одержав победу над ассирийцами в 623 – 622 годах, мидяне осадили столицу Ассирийского царства Ниневию. Город спасли явившиеся на выручку скифы. Они оставались верными союзниками Ассирии. 623 – 622 годом В. А. Белявский начинает отмеченный Геродотом двадцативосьмилетний период господства скифов над Азией. Он полагает, что, отбив мидян от Ниневии, «скифы, словно ураган, прошли через Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта. Фараон Псамметих I с большим трудом откупился данью от их нашествия». В источниках, кроме упоминания у Геродота в связи с нашествием скифов египетского фараона Псамметиха I, умершего в 610 году, нет никаких данных о скифских завоеваниях в это время. Да и об установлении какого господства можно говорить в результате подобного урагану набега? По словам же Геродота, скифы двадцать восемь лет господствовали над Азией, налагали дани, подвергали население поборам и неистовствам. Для установления такого рода господства «набега» явно недостаточно, а требуется подчинение страны с организацией какой-то формы управления ею завоевателями.

Новое обострение борьбы между противниками относится ко второй половине второго десятилетия VII века до н. э. К этому времени обе стороны заручились сильными союзниками. Ассирия опиралась на поддержку Египта, Маннейского и, вероятно, Ванского царств, на стороне Вавилона, кроме Мидии, называется Умман-манда. Это название употреблялось и ассирийцами, и вавилонянами как нарицательное в отношении к киммерийцам и даже мидянам и значило «варвары», то есть то же, что и «киммерийцы», до тех пор, пока древний мир не ознакомился с киммерийцами как особым народом и его название из нарицательного не стало собственным, относящимся только к нему, а не к неизвестным северным народам вообще. В данном случае народом манда названы народы, во главе которых стояли скифы, что явствует из текстов Библии, относящихся к крушению Ассирийского царства. Вавилону, следовательно, удалось порвать союз скифов с Ассирией и перетянуть их на свою сторону.

В 614 – 613 годах до н. э. мидяне двинулись на Ассирию и по пути встретились со скифами, возможно, как и раньше, выступившими на помощь Ассирии. Однако при свидании Киаксара с царем скифов главе мидян удалось уговорить скифского царя примкнуть к вавилонской коалиции. Мидяне и скифы направились на Ниневию, туда же поспешили и вавилоняне. Соединенные силы союзников осадили город и через три месяца, в августе 612 года до н. э., штурмом овладели им. Ассирийский царь во избежание плена сжег себя вместе с наложницами, евнухами и сокровищами в своем дворце, население города было в значительной части вырезано, имущество его разграблено, а сам город разрушен. Победители захватили огромную добычу и множество пленных. После этого мидяне удалились с добычей в свою страну, а вавилоняне и скифы остались продолжать войну за покорение Ассирии.

После падения Ниневии борьба продолжалась еще несколько лет, причем главным противником Вавилона в это время выступает Египет, спешивший прибрать к своим рукам владения Ассирии. Вавилоняне воевали с ним с помощью то мидян, то скифов. В 605 году до н. э. вавилоняне взяли последний оплот Египта в Месопотамии – город Кархемыш на правом берегу Евфрата – и уничтожили всю египетскую армию. После этого вавилоняне вместе со скифами устремились в Палестину и Египет. Фараон Нехо (у Геродота ошибочно назван Псамметих – I, 104) с большим трудом в 600 году отразил их нашествие. Память о скифах сохранилась в Библии в Книге пророчеств Иеремии. Участвовавшие в этом походе скифы в 604 году сожгли знаменитый храм Астарты-Афродиты в Аскалоне на берегу Средиземного моря в Палестине (Геродот, I, 104). Имя скифов осталось за местностью, где находилась кре-

пость Скифополь возле Бетсана на реке Иордан. Там помещался лагерь и кладбище погибших от эпидемии скифов. При разделе ассирийского наследства между победителями Вавилон забрал себе собственно ассирийские владения, скифам достались связанные с Ассирией союзным договором Маннейское и Ванское царства. Подчинение их стало главной задачей скифов после взятия Ниневии. Оккупация Маннейского царства, по#видимому, не представляла особых затруднений, но при подавлении сопротивления Ванского царства скифам пришлось обратиться за помощью к Вавилону и Мидии. В 609 – 607 годах военные действия велись на территории Ванского царства. Кроме скифов, в них принимали участие вавилоняне и мидийцы. Мидяне на первое время удовлетворились захваченной ими добычей в Ниневии.

В 597 году согласие между скифами и Вавилоном нарушилось по неизвестному поводу. Над Вавилоном нависла угроза со стороны скифов и подвластных им Ванского и Маннейского царств. В числе врагов Вавилона пророк Иеремия называет и мидян, но, по Геродоту, именно ими опасность для Вавилона была ликвидирована. Мидийский царь Киаксар в 595/594 году, заманив скифских царей на пир, перебил их (Геродот, I, 106) и таким образом обезглавил Скифское царство. Надо полагать, что измена мидян была подстроена Вавилоном, согласившимся на передачу им доставшихся скифам бывших ассирийских владений. Действительно, мидяне немедленно после убийства скифских царей приступили к захвату подчиненных скифам областей. Дезорганизованные гибелью своих вождей скифы не могли оказать сильного сопротивления и вынуждены были отступать на запад, к границе с Лидией. Один из эпизодов войны мидян со скифами стал известен благодаря археологическим раскопкам в местности Кармир-Блур (Красный Холм) возле Еревана. Там находилась ванская крепость Тейшебаини, занятая, как показали сделанные в ней находки, скифским гарнизоном. Мидяне штурмом овладели этой крепостью и сожгли ее. Вероятно, так же они расправлялись и с другими опорными пунктами скифов в их владениях, в том числе и со столицей Ванского царства городом Тушпой на озере Ван.

Маловероятно, что при первых же ударах мидян скифы покинули Азию и бежали в Северное Причерноморье. А именно так представляет себе события В. А. Белявский, датирующий окончание двадцативосьмилетнего господства скифов в Азии 595 – 594 годами. На самом деле мидянам понадобилось более пяти лет, чтобы овладеть подчиненными скифами областями и в 590 году столкнуться с Лидией, тоже претендовавшей на скифское наследство. К этому времени Лидия уже успела оккупировать Каппадокию, где жили киммерийцы, вероятно, до этого тоже находившуюся в сфере скифской гегемонии. Туда же, по#видимому, оказались оттесненными и отступившие перед мидянами скифы.

По рассказу Геродота, война между Мидией и Лидией разгорелась потому, что лидийский царь Алиат отказался удовлетворить требование Киаксара о выдаче укрывшихся в Лидии скифов. По его словам, группа скифов, служивших Киаксару, в отместку за причиненную им обиду угостила его и других собравшихся на пир мидян мясом обучавшихся у них стрельбе из лука мидийских мальчиков и немедленно затем скрылась в Лидии. Трудно поверить, что даже столь возмутительное, но частное событие могло вызвать войну двух держав; оно могло послужить только поводом для нее. Подлинная же причина, надо полагать, заключалась в том, что отступившие к границе Лидии скифы при поддержке киммерийцев усилили отпор мидянам, а заинтересованная в сохранении за собой Каппадокии Лидия пришла им на помощь. И конечно, Алиат встал на защиту не преступников, бежавших в его страну, как повествует Геродот (I, 74), а интересов Лидийского царства, совпавших в данном случае с интересами скифов.

Война с участием Лидии продолжалась еще более пяти лет с переменным успехом, пока наконец при содействии Вавилона, до этого занятого тяжелыми войнами с Египтом и Иудеей, между враждующими сторонами не был заключен мир, по которому владения ски-

фов в Азии, включая Каппадокию, отошли к Мидии, граница которой, таким образом, отодвинулась на запад до реки Галис. Лидии пришлось удовольствоваться признанием ее власти над Фригией. Существенное добавление к своим владениям получила Киликия, ставшая теперь южным соседом мидийской Каппадокии.

Дата прекращения войны между Мидией и Лидией точно известна благодаря сообщению Геродота о том, что во время сражения произошло солнечное затмение. Это было 28 мая 585 года. Оно остановило кровопролитие и разъединило врагов, после чего и начались мирные переговоры. Перед силами грозных врагов – Мидии и поддерживающего ее Нововавилонского царства – Лидия вынуждена была согласиться на продиктованные ей условия, по которым скифам и киммерийцам не оставалось места в Азии, и они должны были уйти туда, откуда пришли, то есть в Северное Причерноморье. По словам Геродота, Алиат изгнал киммерийцев из Азии (I, 16) за то, что они были врагами скифов; тут Геродот придерживается своей, как мы видели, несостоятельной версии о неутолимой вражде между скифами и киммерийцами, в силу чего будто бы те и другие и появились в Азии. На самом деле скифам и киммерийцам по сложившимся обстоятельствам пришлось действовать заодно и разделить общую для тех и других судьбу. «Скифы, – говорит Геродот, – владычествовали над Азией в течение двадцати восьми лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Они взымали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, но кроме дани совершали набеги и грабили, что было у каждого народа» (I, 106). Указанные этим автором двадцать восемь лет владычества скифов в Азии в точности соответствуют времени между падением Ниневии в 612 году и заключением мира между Мидией и Лидией в 585 году; что же касается характеристики этого владычества, то у Геродота она настолько выразительна, что не требует дополнительных комментариев. Скифы, используя свое военное превосходство, паразитировали в Передней Азии. Они вернулись в Северное Причерноморье с укоренившейся привычкой жить за чужой счет и с соответствующей этому военной организацией. Скифское предание о возвращении из Передней Азии в Северное Причерноморье было соединено с легендой об их первоначальном вторжении в Северное Причерноморье, благодаря чему в нем и появилась река Аракс, за которой скифы действительно находились, но не на своей первоначальной родине, а во время пребывания в Передней Азии.

Скифская культура

Скифы пробыли в Передней Азии около девяноста лет. Вернувшиеся в Северное Причерноморье скифы отличались от своих предков, вторгшихся в Азию, не только составом, но и культурой. За время пребывания их в Азии сменилось три поколения, из родившихся в Северном Причерноморье едва ли кто остался в живых. При тесных контактах с цивилизациями Древнего Востока культура скифов не могла не измениться, в особенности в части внешних, материальных элементов. В связи с их господствующим положением среди туземцев в Азии произошли существенные перемены в социальных отношениях. Одной из них было превращение племенного вождя в восточного царя со всеми относящимися к нему привилегиями, в том числе и с почитанием его священной особы.

То новое в области материальной культуры, что скифы принесли из Азии, можно определить лишь путем сравнения скифской культуры, какой она выступает в Северном Причерноморье после их возвращения, с их же культурой перед вторжением в Переднюю Азию. К сожалению, о культуре скифов перед их переселением в Азию мы можем составить только самое общее представление. Это уже была не срубная культура в ее классическом виде, так как ко времени переселения скифы стали кочевниками, в связи с чем многие характерные для срубной культуры элементы должны были исчезнуть вместе с доставившими наиболее многочисленные данные об этой культуре поселениями. К интересующему нас времени могут относиться выделенные В. А. Городцовым погребения в насыпях и на горизонте с сильно скорченными скелетами на боку, но эти впущенные в более древние курганы погребения отличаются почти полным отсутствием сопровождающих покойников вещей. В лучшем случае в них находится грубый глиняный горшок в форме банки.

В. А. Городцов выделил в составе кладов и случайных находок металлические вещи, относящиеся к концу эпохи бронзы, и признал их киммерийскими, поскольку в его представлении до конца VII века до н. э. в Северном Причерноморье обитали киммерийцы. Выделенные В. А. Городцовым формы связываются с поздними периодами срубной культуры – сабакиновским и белозерским. В 1953 году появился труд А. А. Иессена, посвященный кладу, обнаруженному в Новочеркасске. В нем находились собранные в качестве лома для переплавки бронзовые вещи: топор, две пары удил и части нескольких пар удил того же типа, пара псалий, обломки бронзового стержня и половинка формы для отливки втульчатых двухперых наконечников стрел. Топор и удила с псалиями новочеркасского типа были известны по находкам кобанской культуры на Северном Кавказе, а наконечники стрел – по

ранним комплексам скифской культуры. А. А. Иессен подыскал для этих вещей и другие аналогии из находок в Северном Причерноморье, в том числе одну, происходящую из документированного погребения в кургане № 375 у села Константиново Черкасской области, где вместе с удилами новочеркасского типа находился небольшой чернолощеный кубок с полосой геометрического орнамента, заполненного белой пастой. Он датировал вещи Новочеркасского клада временем от середины VIII до середины VII века до н. э., отметив, что в это время они одинаково могли принадлежать и киммерийцам, и скифам.

Позже были открыты три погребения с вещами того же типа: у села Зольное близ Симферополя, у села Бутенки Полтавской области и у села Носачево Черкасской области. Первое было найдено во впускной могиле в кургане с несколькими другими погребениями, два других обнаружены при сельскохозяйственных работах. В этих погребениях, кроме бронзовых удил новочеркасского типа, находились бронзовые и костяные, гладкие и орнаментированные бляшки, причем в центре костяных бляшек с геометрическим орнаментом из кружков и спиралей из носачевского погребения изображена характерная четырехконечная звездочка, известная по ряду произведений скифского времени. Этой звездочкой специально занимались М. И. Вязьмитина и В. А. Ильинская. Первая из них определила ее как солярный знак, связанный с восточной богиней плодородия, известной под именами Иштар, Кибела, Астарта, Анахита и другие, вплоть до греческой Афродиты. Такие звездочки имеются на вещах Мельгуновского клада, Келермесских курганов, кургана № 12 у села Жаботин и других, относящихся к раннескифскому времени. В. А. Ильинская дополнила перечень вещей с этим знаком памятниками, относящимися, как она полагает, к доскифскому времени, в частности, бронзовым навершием скипетра из могильника близ Кисловодска с вещами того же рода, что и в вышеперечисленных погребениях в Северном Причерноморье. При всех этих погребениях были бронзовые наконечники стрел с ромбическим или овально-ромбическим пером и длинной втулкой. В погребениях у Бутенок и Носачева найдены железные наконечники копий, в Бутенках с круглыми дырочками в нижней части пера возле втулки. В Зольном и Носачеве, кроме того, обнаружены обломки железных двулезвийных мечей с брусковидным навершием на рукоятке, какое типично для скифских мечей. В носачевском погребении оказались бронзовые бляшки, сходные с изображенными на конской упряжи в ассирийских рельефах времени Саргона II и Ашурбанипала, то есть последней четверти VIII и VII века, что соответствует датировке указанных погребений по времени Новочеркасского клада. Исследователи указанных погребений А. А. Щепинский и Г. Г. Ковпаненко считают их киммерийскими. Они характеризуют культуру, с которой киммерийцы и скифы переселились в Азию и которая продолжала существовать в Северном Причерноморье вплоть до их возвращения.

В 1971 году в кургане Высокая Могила близ села Балки Васильковского района Запорожской области открыто еще два погребения так называемого киммерийского типа. Они были впущены в высокую насыпь большого кургана эпохи бронзы, помещены в деревянных срубках и сопровождалась значительным инвентарем. У одного из погребенных был железный кинжал с овальной головкой на бронзовой рукоятке и с перекрестьем со свисающими концами. От ножен сохранилась золотая обойма, а от портупей застежка. Среди других вещей была золотая бляха с инкрустациями и характерный лощеный кувшин с узким горлом. При другом погребении в срубке, обмазанном глиной и украшенном охрой орнаментом, у головы покойника были бронзовый обруч и золотая массивная серьга, при нем же золотая застежка с алебастром. Из оружия здесь были бронзовый кинжал без рукоятки и граненные наконечники стрел, а из принадлежностей конского снаряжения бронзовые двукольчатые удила. Это погребение тоже сопровождалось орнаментированным сосудом и многочисленными остатками жертвенной пищи.

Эти погребения представляют первый случай нахождения в могилах этого типа золотых вещей. Не меньший интерес вызывает и сходство орнаментации на инкрустированной золотой бляхе с орнаментом на золотых вещах Михалковского клада, найденного в 1878 году в Поднестровье в районе Каменец-Подольского и относимого к VIII – VII векам до н. э. Это подтверждает связь так называемой киммерийской культуры с карпато-дунайским гальшта-том и подкрепляет предположение о возникновении этой культуры на основе форм, распро-странявшихся в Северное Причерноморье не с Северного Кавказа, а из Средней Европы, причем сам Северный Кавказ оказывается в области их бытования. Там эти формы получили своеобразное развитие в кобанской культуре и в известной мере определили ее облик.

Из вышесказанного следует, что к числу вещей, известных скифам до их переселения в Переднюю Азию, относятся бронзовые наконечники стрел. В странах Древнего Востока скифы появились как конные лучники. Вооруженные небольшими сигмаобразными луками и запасом стрел, они оказались непобедимыми для тяжеловооруженной пехоты и конницы древневосточных государств, в армиях которых главной ударной силой были боевые колес-ницы с находившимися в каждой из них возничим и одним или двумя воинами с большим арочным луком, мечом и щитом. Скифы легко ускользали от их натиска и, осыпая врагов тучами стрел, пользуясь быстротой своих коней, то исчезали, то вновь появлялись перед противником с той или другой стороны, изматывая его непрерывностью своих атак.

Скифы вторглись в Азию, вооруженные стрелами с костяными и кремневыми наконеч-никами, какие были в широком употреблении в Евразии в течение всего бронзового века. Появившиеся в андроновской и срубной культурах бронзовые ромбические или листовид-ные наконечники стрел с втулками были еще очень редки. В период пребывания скифов в Азии эти стрелы получили широкое распространение и были усовершенствованы путем превращения наконечника из плоского в более устойчивый при полете трехперый.

Типология наконечников скифских стрел ныне хорошо разработана. Как наиболее рас-пространенные находки они играют важную роль в первоначальной хронологизации ком-плексов, в составе которых встречаются. Для VII – VI веков до н. э. характерны двухлопаст-ные наконечники стрел лавролистной или ромбической формы с довольно длинной втулкой, иногда с выступающим сбоку нее изогнутым шипом; тогда же появляются и трехлопастные наконечники с внутренней втулкой, занимающие в последующее время (V – IV века до н. э.) преобладающее положение. Двухлопастные еще в начале V века до н. э. выходят из употреб-ления. Во второй половине V века распространяются наконечники с треугольной и башне-видной головкой, в дальнейшем получившие особенно широкое применение. В IV веке нако-нечники стрел становятся вытянутыми, жаловидными, но известны стрелы и с треугольной головкой и широким основанием, возникающие еще в V веке. Железные наконечники не получили в Скифии сколько#нибудь широкого применения, хотя довольно часто находятся на Кубани и Верхнем Дону, костяные же встречаются в течение всего скифского периода. Они бывают пирамидальные, конусовидные, пулевидные и другие.

Лук вместе со стрелами скифы носили в коробке-горите, подвешенной на поясе с левой стороны. Отдельно стрелы хранились в колчанах из кожи и дерева. В некоторых погребе-ниях IV века до н. э. находят по несколько колчанов с сотнями стрел. Едва ли в таком количе-стве они имели только военное употребление. Возможно, что бронзовые наконечники стрел служили и разменной монетой, о чем можно заключить по находкам в Ольвии и Добрудже стрелкообразных бронзовых слитков, явно не предназначенных для употребления по основ-ному назначению этого рода предметов. Скифские луки известны только по изображениям. Они были деревянные, склеенные из разных пород дерева; остатками их в могилах, куда они клались вместе со стрелами, являются костяные накладки, на которые натягивалась тетива. Судя по длине стрел, луки достигали в длину 80 – 100 сантиметров, а по письменным изве-стиям, били на расстояние до пятисот метров.

Прототипы копий также существовали еще у предков скифов в бронзовом веке, а во время вторжения скифов в Азию наконечники копий изготавливались не только из бронзы, но и из железа. Подобно стрелам, они были листовидной формы с узким высоким ребром посередине, не переходящим во втулку. У поздних экземпляров перо отличалось шириной и в длину достигало двух третей общей длины с втулкой. Имеются наконечники копий и без выделенного ребра, а просто со скатами в обе стороны. Среди поздних встречаются наконечники остролистной формы с ребром и без ребра посередине. Последние даже преобладают. Тупой конец древка копья снабжался цилиндрической или рюмкообразной втулкой – втоком или подтоком. Древко копья имело от 1,75 до 2,2 метра в длину.

Из-за неустойчивости посадки всадники пользовались для удара копьем рукой, а не силой движения лошади и часто метали его в противника на близком расстоянии. Наряду с копьями применялись специальные метательные дротики. Они были короче и легче копий и имели жаловидный или тонкий заостренный наконечник на длинном оканчивающемся втулкой стержне. От такого дротика, не поразившего врага, а вонзившегося в щит или доспех, нельзя было быстро освободиться, перерубив мешающее свободно действовать древко, острый же и тонкий наконечник пробивал панцирь. В могилах при одном воине находятся, кроме копья, по два дротика, впрочем, встречается и по несколько копий.

Менее распространенными, чем стрелы и копья, были мечи и кинжалы. Прототипы этого вида скифского оружия в бронзовом веке Евразии неизвестны. Характерные для позднебронзового века листовидные ножи или кинжалы с упором между клинком и черенком для рукоятки, равно как и более длинные клинки с параллельными лезвиями, исходными для этого рода скифского оружия быть не могли.

Метеоритное железо было известно давно, и из него посредствомковки иногда выделялись даже одинаковые по форме с бронзовыми кинжалы, но подлинная металлургия железа начинается только со времени открытия способа восстановления этого металла из руды. В Восточной Европе железо получает распространение не позже VIII века до н. э., то есть еще до переселения киммерийцев и скифов в Азию, и продолжает развиваться во время их отсутствия. Так как ранние образцы железного оружия представляют формы, существенно отличающиеся от бронзовых, надо полагать, что они не возникли на месте, а появились вместе с искусством выплавки железа из руды иковки со стороны, из области более древнего железоделательного производства. Откуда именно – остается, несмотря на принятые исследования, не выясненным. Оставив вопрос о происхождении железного оружия в предскифском периоде открытым, следует сказать, что скифские мечи и кинжалы созданы, по видимому, в Передней Азии в период пребывания там скифов совместно с мидянами, почему и стали оружием, общим для тех и других, а через Мидию распространились в Среднюю Азию и Сибирь.

Скифские мечи отличаются от кинжалов только длиной. У мечей длина клинка варьирует от 50 до 85 сантиметров, у кинжалов от 17 до 50 сантиметров. Форма клинка удлиненно-треугольная и только у наиболее длинных мечей в верхней части края параллельная. Вдоль клинка посередине утолщение или ребро. Наиболее оригинальным является устройство рукоятки, у древнейших с овальным или брусковидным навершием и почковидным или бабочкообразным перекрестьем. Второй половиной VI – V веком до н. э. датируются мечи и кинжалы с антенным навершием, у которого боковые концы загибаются кверху и иногда трактуются в зверином стиле в виде головки хищной птицы или когтей. Последние относятся преимущественно к V веку до н. э., но встречаются и в комплексах IV века. Однолезвийные мечи, появляющиеся в IV веке до н. э., очень редки.

Греки называли скифский меч акинаком и считали его оружием мидян и персов. В Иране он известен по находкам в ряде памятников конца бронзового и начала железного века, а также по изображениям на рельефах VI – V веков до н. э. Скифы, занимавшие ванскую

крепость Тейшебаини на рубеже VII – VI веков, были вооружены типичными акинаками, из чего можно заключить, что свое оформление этот вид оружия получил в период пребывания скифов в Азии. Скифские мечи, как и кинжалы, были в большей мере колющим, а не рубящим оружием и в соответствии с этим носились на поясе справа или спереди в деревянных ножнах, в ряде случаев украшенных золотой обкладкой и у верхнего края снабженных лопастью для подвешивания. У мидо-персов конец ножен такого меча привязывался к ноге и с этой целью снабжался круглым наконечником. Скифский меч был оружием ближнего боя, малоприспособленным для сражения верхом на лошади. Им пользовались в случае вынужденного спешивания для самообороны или для того, чтобы прикончить поверженного врага.

Одинаково пригодными для пешего и конного боя были топор и клевец, или чекан, различающиеся между собой тем, что у одного более или менее широкое рубящее лезвие, а у другого – круглое или граненое острие. И тот, и другой – с проухом для насаживания на рукоятку и с выступающим обушком. Проушные топоры находятся не часто и выступают по большей части как принадлежность парадного вооружения, как традиционный символ социального положения и власти. Парадные топоры небольшие – клиновидные с четырехгранным обушком или вытянутые и более или менее изогнутые с расширением для проуха и с молоточкообразным обушком, иногда замененным головкой животного или птицы. Есть случаи, когда и клинок трактован в виде скульптурного изображения головки животного или птичьего клюва. Клевцы встречаются очень редко, а двулезвийные топоры – секиры – известны только по изображениям, по всей вероятности, представляющим не соответствующие действительности привнесения изображавших скифов греческих художников. Как оружие могли употребляться длинные однолезвийные ножи с прямой спинкой.

В большинстве случаев ножи с прямой или горбатой спинкой и костяной рукояткой находятся в погребениях парами вместе с остатками жертвенной пищи. Встречаются и цельнометаллические бронзовые ножи со звериной головкой на конце рукоятки, вероятно, культового назначения. Судя по находкам в погребениях грубо обработанных камней округлой формы, скифы пользовались для метания пращей.

Защитное оружие у скифов не имело широкого распространения: оно было принадлежностью знатных воинов и редко встречалось у рядовых. Чаще всего находятся остатки панцирей, подобных ассирийским и урартским из чешуйчато нашитых на кожу железных, бронзовых и реже костяных пластинок, прикрывавших грудь, спину и плечи. Очень редки греческие бронзовые нагрудники. К защитному вооружению относится и широкий пояс, покрытый узкими железными и бронзовыми пластинками. Он прикрывал живот, но к нему, как и к специально портупейным поясам, подвешивалось оружие. Последние нередко украшались бронзовыми бляхами в зверином стиле. Шлем и поножи находятся редко; за исключением наиболее ранних, так называемых кубанских шлемов, они греческие. Происхождение «кубанских» остается неустановленным. Тяжелые крытые железными пластинами щиты очень редки, чаще употреблялись небольшие легкие щиты разнообразной формы из дерева, обтянутого кожей.

Об орудиях и вещах бытового назначения речь пойдет ниже, здесь же рассмотрим не менее важную, чем оружие, часть скифской материальной культуры, относящуюся к снаряжению коня. Поскольку скифы были конными воинами, конь и его снаряжение входят в понятие вооружения.

Лошадью как средством передвижения степняки пользовались издавна. Начиная с середины II тысячелетия до н. э. одновременно с металлическими удилами и распространенными в Передней Азии, надетыми на их концы металлическими псалиями, удерживающими удила во рту лошади и помогающими управлять ею, в Евразии употреблялись сделанные из ремней или сухожилий мягкие удила с такими же по принципу устройства, как на Востоке, но костяными или роговыми псалиями. У костяных псалий, кроме центрального отверстия,

в которое пропускался конец удила для прикрепления к нему повода, устраивалось меньшее по размеру боковое отверстие с перпендикулярным к большому направлением для привязывания к нащечному ремню оголовья уздечки. У роговых псалий таких боковых отверстий делалось два в соответствии с двумя концами нащечного ремня. Наибольшее распространение получили трехдырчатые псалии с боковыми отверстиями, расположенными в одной плоскости с центральным. Они известны от Венгрии до Алтая и явились прототипом металлических псалий с металлическими же удилами, применявшимися на Ближнем Востоке в VIII – VII веках до н. э. во время появления там киммерийцев и скифов.

Бронзовые удила делались литые из двух звеньев, соединенных подвижно круглыми петлями между собой, и с псалиями, прикрепленными к кольцам на концах. Наиболее древними бронзовыми удилами в Восточной Европе являются цельнолитые, состоящие из двух подвижных звеньев с двумя кольцами по наружным концам каждого звена и, кроме того, с подвижными дополнительными звеньями с отростком в виде шляпки для повода. С этими удилами соединяются бронзовые трехпетельчатые псалии со шляпкой на одном конце и изогнутой широкой лопастью на другом. Происхождение этого типа удила, известного по находкам в южной части Европы, А. А. Иессен связывает с Северным Кавказом и называет его кобанским. Второй тип удила с большими ординарными кольцами на концах тоже характерен для Северного Кавказа, но известен и в Южной Сибири до Алтая включительно. Соответствующие ему удила употреблялись в Иране, где, вероятно, этот тип удила и появился. Наиболее распространенным в Евразии был третий тип со стремявидными концами. Он возник не позже второй половины VII века до н. э., по всей видимости, в Передней Азии. В Северном Причерноморье с этим типом часто применялись не металлические, а костяные трехдырчатые псалии. В Средней Азии и в Сибири встречаются удила с небольшим кольцом перед стремявидным концом. По-видимому, они восходят к двукольчатым удилам и представляют звено, соединяющее последние с удилами со стремявидными концами.

Бронзовые удила первого из этих типов, кроме Кавказа, найдены в нескольких пунктах на Дону и в двух-трех местах степного Поднепровья. Большая же часть их происходит из лесостепного днепровского Правобережья. На левой стороне Среднего Днепра известна всего одна находка этого типа из села Бутенки в бассейне реки Ворсклы. Такие удила обнаружены в Крыму, где самая замечательная находка сделана во впускном погребении у села Зольное близ Симферополя. Принимая во внимание локализацию находок, бронзовые удила первого, или кобанского, типа следует относить ко времени еще до ухода кочевых скифов в Переднюю Азию и, главным образом, к периоду их отсутствия в степном Причерноморье, то есть к VIII – VII векам до н. э. Вместе с этими удилами в Скифии распространялись и другие бронзовые принадлежности конского снаряжения – большие кольца с подвижной муфтой, круглые ажурные бляшки с дужкой позади, пуговицы, украшенные криволинейным геометрическим орнаментом, и такие же лунницы. С удилами находятся также кавказские бронзовые топоры кобанского типа, мечи или кинжалы с овальным навершием и прямым перекрестьем, железные наконечники копий с круглой или граненой втулкой и наконечники стрел с овально-ромбическим пером на длинной втулке. Несмотря на нахождение в комплексах этих вещей кобанских топоров, кавказское происхождение удила кобанского типа остается неустановленным, и возможно, что они, как и другие сопутствующие им вещи, проникли в Северное Причерноморье из другого источника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.